

Орлова Л.

11.2.92

Смена - Санкт-Петербург - 1992 - 11 февр.

ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ — ЛЮБОВЬ ОРЛОВА

СЕГОДНЯ ВЕЛИКОЙ АКТРИСЕ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 90 ЛЕТ

ПОМНИТЕ эти кадры? Огромный оркестр на сцене Большого театра, а перед ним — сменив нелепый дождевик на блестящее концертное платье, смешные косички — на эффектную прическу, неуклюжие ботинки — на серебряные Золушкины туфельки, в победительном сиянии красоты и обаяния поет Анюта:

Сердце в груди
Бьется, как птица.
И хочет знать, что ждет
впереди.
И хочется счастья
добиться...

«Веселые ребята» вышли в тридцать четвертом, и эта давняя, полная ожидания счастья песня, как и другая — про сердце, которому «не хочется покоя», как и бравадный марш — про то, что «нам песня строить и жить помогает», — все это лилось с экрана тогда, когда уже были раскулачены десять миллионов крестьян, когда в концлагерях страны Советов уже стонали пять миллионов ее сынов и дочерей...

Вспомните другой кадр: по Красной площади в первомайской колонне шагает Марион Диксон — молодая, сильная, красивая — и летит над Москвой ее песня:

Я другой такой страны
не знаю,
Где так вольно дышит
человек...

Фильм «Цирк» возник в тридцать шестом, когда ГУЛАГ поглотил еще около миллиона узников...

Ну а такой киноэпизод: писемосец Стрелка исполняет под баян песню собственного

сочинения — про Волгу, которая — «как Родина, свободная...»

Картина «Волга-Волга» появилась в тридцать восьмом, когда за тюремными стенами «свободной Родины», за ее колючей проволокой оказались еще то ли пять миллионов, то ли семь — точно пока не подсчитано. А расстреляли в 1937-м и 1938-м никак не меньше миллиона...

И еще, пожалуйста, напрягите память: ткачиха Таня Морозова стремительно движется по цеху, меж грохочущих станков. И снова, естественно, — песня:

В буднях великих строок,
В веселом грохоте, в огнях
и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей,
ученых!...

Фильм «Светлый путь» был снят в сороковом, когда уже прошли массовые аресты в только что присоединенных к нам западных районах Украины и Белоруссии, в Западной Буковине, Бессарабии, Прибалтике и на «освобожденных польских территориях». Общее число жертв этих репрессий, включая депортацию, можно определить примерно в два миллиона. Вот такая «страна мечтателей, страна ученых»... Нет, про «страну эзков» в «Марше энтузиастов» не упоминалось...

НУ КАК ЖЕ все это совмещалось: фильмы про сказочных Золушек, которые (каждая по своему) добивались исполнения мечты, делали «сказку былью», — и страна-тюрьма? И

ведь мы все верили героиням Любви Орловой, буквально боготворили первую нашу кинозвезду, блистательную, завораживающую. Обожали искорки в ее глазах, золото ее волос, ее голос, ее танец...

Как часто, как бездумно мы ныне именует «звездами» достаточно случайных и банальных певцов и певиц — только за то, что собирают полные залы. Как нередко нарекаем этим обаявающим именем тех, кто не отличается ну никакой индивидуальностью. С Орловой — все иначе. Ее ни с кем нельзя было спутать. Ее никак было не заменить. Она такая была одна! Каждая девчонка мечтала быть на нее хоть капельку похожей, каждый парень был в нее по уши влюблен...

Конечно, это счастливый случай, что Орлова встретила с режиссером Григорием Александровым, с композитором Исааком Дунаевским. Конечно, это удача, что «Васелые ребята» Сталину понравились («Очень веселая картина. Ее будет полезно показать всем рабочим и колхозникам»). А ведь могло случиться совсем наоборот: объявил бы фильм ну допустим, «буржуазным», или «мещанским», или еще бог знает каким — и не увидели бы его миллионы. Разом бы перечеркнул великий вожь судьбу Орловой, и не было бы после ее Анюты ни Марион Диксон, ни Стрелки, ни Тани Морозовой, которые людям, оказалось, ой как нужны, потому что экранная сказка позволяла хоть на час-дру-

гой позабыть о суровой были, отвлечься от трудных дум, поверить в чудо. И когда, например, в «Цирке» звучала обращенная к темнокожему малышу ласковая колыбельная — про то, что в нашей стране «сто путей, сто дорог для тебя открыты», люди в кинозале наивно верили, что это действительно так. И когда, допустим, в «Волге-Волге» белоснежные корабли шли по знаменитому каналу, люди в кинозале тоже вовсе не думали о тех разбах двадцатого века, которые этот канал соорудили буквально на своих костях...

Люди упивались искрометным весельем этих лент, солнечными мелодиями и, конечно, — ею, Орловой, «Любочкой». Когда она пела: «И если враг нашу радость живую отнять захочет в смертельном бою, тогда мы песню споем боевую и встанем грудью за Родину свою» — зритель был с ней согласен: да, встанем грудью за Родину. И совсем не случайно в сентябре 1941-го, в одном из самых первых «Боевых киносорников», писемосец Стрелка появилась опять — в красноармейской пилотке, в походной гимнастике, и марш из «Веселых ребят» пела она уже поновому: «Готовься к бою, и пахарь, и воин, бери винтовку умелой рукой, и кто Отчизны Советской достоин, тот за Отчизну дерется как герой...» — хорошо помню, какая пронзительная тишина стояла тогда в кинозале...

ВСЮ ВОЙНУ она выступала перед фронтовиками. Среди

несметного количества писем, полученных актрисой в те дни, процитирую лишь несколько строк из одного, от летчиков-сталинградцев: «Дорогая Любовь Петровна! В очень трудную пору смотрели мы фильм «Волга-Волга». Забыл печаль, от души смеялись. А когда неугомонная Стрелка запела: «Пусть враги, как голодные волки, у границ оставляют следы...» — мы все поднялись и запели вместе с Вами: «Не видать им красоты Волги и не пить им из Волги воды». Если бы Вы были тогда с нами...»

Она пришла и туда, на берег Волги, — как только пленили Паулуса...

А ПОТОМ, после войны, — фильм «Весна». И она снова — в танце, в солнечной песне: «Весна идет! Весне дорогу!» А на дворе-то — сорок седьмой. И уже получают повторные сроки те, кто был взят в тридцать седьмом. И уже оболганы Ахматова и Зощенко. И ждут своего черного часа Шостакович, Хачатурян, Шеллин, Мурадели, другие музыканты. И под прицелом — «безродные космополиты». И совсем немного осталось жить Михоэлсу, Зускину, Маркишу, Квитко. И на пороге — «ленинградское дело». И составляют списки «врачей-убийц»... Да, снова — черные месяцы, черные годы, и любимая актриса опять помогала людям как-то отвлечься, хоть как-то все это перетерпеть. И уже другие мальчишки писали ей восторженные послания. И уже другие девчонки в нашем дворе лихо отстукивали, как она — в «Цирке», четветку: «Диги-диги-ду, диги-диги-ду. Я из пушки в небо уйду...» И опять бежали мы в кино, «на Орлову», хотя теперь, в новых фильмах, таких ЕЕ ролей, как прежде, Любви Петровне, увы, уже не выпадало.

Зато были роли в Театре имени Моссовета. В самом

конце сороковых «моссоветовцы» привезли в наш сибирский городок спектакль «Лиззи Мак-Кей», по Сартру, где в главной роли «добродетельной проститутки» блистала Орлова. Гостиница от театра располагалась совсем недалеко, и я помню, как бережно, как нежно вел туда под руку Григорий Васильевич Александров свою Любочку. (Кстати, такая деталь: прожив в браке несколько счастливых десятилетий, они так и не перешли на «ты», только — на «вы»). Оба были тогда такие красивые, такие молодые...

ВПРОЧЕМ, молодод она оставалась всегда — и через десять лет, и через двадцать. Уже в начале семидесятых я увидел ее здесь, на невиских берегах, в «Милом лжеце», и ощутил воистину потрясение — не только от ее игры, но и от ее неусыдаемой красоты. И не я один испытал тогда это чувство. Когда в ходе спектакля ее Патрик Кемпбелл воскликнул: «И мне никогда не будет больше тридцати девяти лет, ни на один день!» — зал взорвался овацией.

После за кулисами мы договорились об интервью, но наутро услышал в телефонной трубке: «Ради Бога простите! Наша встреча отменяется — простудилась, а завтра — спектакль, а потом уезжаем. Пусть уж останусь в вашей памяти такой, какой была вчера. Не сердитесь...»

Такой, «как вчера», она в моей памяти и осталась... И не так уж важно, что — знаменитость, народная артистка СССР, лауреат многих премий. Главное, что — звезда, которая сияла людям в самое черное время. Далекая уже звезда, чей свет приходит к нам и сегодня...

А как раз сегодня ей бы исполнилось девяносто. Ну не представить!

ЛЕЗ СИДОРОВСКИЙ